

Стародубцев Олег Викторович

О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ПОЯВЛЕНИЯ ЭКЛЕКТИКИ В ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЕ XIX ВЕКА

Статья посвящена некоторым предпосылкам появления и сущности эклектики в русской церковной архитектуре первой трети XIX века. Рассматриваются причины, побудившие имперскую власть инициировать смену классического стиля русско-византийским, который в контексте исторических реалий XIX столетия модифицировался в новое направление, получившее название эклектика. В данной связи, в статье рассматриваются исторические условия и ситуация, в которых произошел отказ от идеалов классицизма.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 168-172. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. 1960-1980-е годы. Советская исправительно-трудовая система [Электронный ресурс]. URL: <http://isfic.info/ispol/extend89.htm> (дата обращения: 28.01.2013).
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 2.
3. ГУЛАГ: Главное управление лагерей. 1918-1960 / ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М.: МФД, 2000. 888 с.
4. Марченко С. Г. Страницы истории уголовно-исполнительной системы Кемеровской области. Кемерово, 2009. 266 с.
5. Реент Ю. А. История уголовно-исполнительной системы России: учебник / под ред. Ю. И. Калинина. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2006. 374 с.
6. Филиппова Л. Е. Факторы, обусловившие реформирование кадровой политики отечественной исправительно-трудовой системы в 1917-1934 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1796 (дата обращения: 06.05.2014).

**PENITENTIARY POLICY REALIZATION REGARDING PERSONNEL
OF PLACES OF IMPRISONMENT (THE 1950-1970S)**

Sinel'nikova Tat'yana Viktorovna

Samara Juridical Institute of the Federal Penal Service of Russia

sinelnikovatv@mail.ru

The article is devoted to the problems of the formation of the professional training of the workers of penitentiary system in the 1950-1970s. On the basis of archival documents the author considers the conditions and tendencies of the personnel change of the post-war period. In particular, special attention is paid to the educational level and special training of the personnel of correctional labour institutions. In the article the normative-legal acts, which regulate not only the organizational and legal elements of the state policy in this sphere but also the moral and ethical aspects of activity within penitentiary system, are analyzed.

Key words and phrases: penitentiary system; correctional labour institutions; workers of penitentiary institutions; professional training.

УДК 1; 18

Философские науки

Статья посвящена некоторым предпосылкам появления и сущности эклектики в русской церковной архитектуре первой трети XIX века. Рассматриваются причины, побудившие имперскую власть инициировать смену классического стиля русско-византийским, который в контексте исторических реалий XIX столетия модифицировался в новое направление, получившее название эклектика. В данной связи, в статье рассматриваются исторические условия и ситуация, в которых произошел отказ от идеалов классицизма.

Ключевые слова и фразы: эклектика; классицизм; русская культура; славянофилы; самосознание; церковное искусство; церковь.

Стародубцев Олег Викторович, к. богословия

Московская православная духовная академия

starodubcev@yandex.ru

**О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ИСТОРИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ ПОЯВЛЕНИЯ
ЭКЛЕКТИКИ В ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЕ XIX ВЕКА** ©

При рассмотрении вопросов, связанных с архитектурой, монументальной живописью, другими видами изобразительного искусства XIX века, неизменно важным является особый исторический контекст. В данном случае речь идет об изменении естественного процесса развития культуры и социальных потрясений, политических расчетов, характерных для данного исторического времени. Здесь мы наблюдаем как продолжение сложившихся традиций, причем не в застывших модулях, но в постепенно меняющихся формах, приобретающих новые грани, так и отрицание казалось бы незыблемых устоев, поиск новых путей, причем с использованием уже известных архитектурных и живописных приемов.

В настоящей статье хотелось бы остановиться на двух вопросах: о некоторых причинах и особенностях становления новых культур, в том числе философских подходов в архитектурной политике государства и Церкви в России XIX века; о сущности и оценочных доминантах в самом понятии «эклектика в русской архитектуре XIX века».

В предыдущем столетии, в годы царствования Екатерины II, во многом меняются взгляды на существовавшие ранее традиции храмостроительства. Естественно, что храмы, заложенные в столицах при Елизавете

Петровне, достраиваются в традициях эпохи барокко, но уже с некоторыми изменениями. В провинциальной же храмовой архитектуре, где храмы строились порой несколько десятков лет, удивительным образом начинают переплетаться образы двух стилей, как бы закладывая основы будущего эклектизма.

Как известно, классицизм получил свое становление в эпоху Екатерины II и, в первую очередь, в столице. Церковные постройки, выполненные в новых для русского понимания архитектурных формах, были восприняты обществом достаточно спокойно, без каких-либо недовольств и сомнений. Для высшего общества подобные формы и образы были знакомы по европейским культурным центрам, а для простого народа важным было, прежде всего, наличие самого храма. Привлекал многих и размах строительных работ, в которых были задействованы новые технические приемы и механизмы.

Классицизм в русской церковной архитектуре, с одной стороны, требовал строгого соблюдения языка форм и пространственно композиционных решений, с другой, – не исключал определенной свободы творческих исканий, что и было широко использовано русскими мастерами. Это, в конечном итоге, привело к созданию величественных и неповторимых по красоте памятников, обогативших и русскую, и мировую культуры.

Идеи классицизма, сформировавшиеся в иноземных исторических и социальных условиях, привнесли в русскую церковную архитектуру новые, ранее несвойственные ей, образы и идеи. Храмы, построенные в стиле классицизма, отличаются ясностью композиционного решения, лаконичностью объемов, совершенной гармонией пропорций в пределах классического канона, тонкой прорисовкой деталей, рациональностью и эргономичностью. Не имея прямых аналогов и образов в традиционной русской архитектуре, берущей начало от Византии, идеи классицизма все же находят в России питательную почву для своего существования. Быстрому становлению идей классицизма способствовали условия внешней и внутренней государственной политики России.

Классицизм в России прошел все стадии своего развития: от сдержанного раннего, переплетавшегося архитектурными образами с елизаветинским барокко, до строгого с почти декларативным неприятием любых неклассических тенденций (после которого и началось его (классицизма) постепенное угасание и отторжение).

Русский классицизм во всех своих проявлениях был ориентирован на европейскую культуру, ей подражал, оригинальными образами ее построек питал свое существование. Весомым же политическим фактором, ослабившим классицизм в России, стала Отечественная война 1812-1814 гг. Классицизм в своем становлении и развитии был плодом европейской культуры, всего, что привлекало в то время наших соотечественников. После наполеоновского нашествия, разорения городов, глумления над храмами и святынями, прежде всего Московского кремля, сам образ европейской цивилизации культуры поблек и начал восприниматься многими нашими предками более чем неоднозначно и противоречиво.

Однако классицизм, безусловно, существовал и далее, трансформируясь в более позднее время в имперский ампи́р, который был направлен на прославление государственной власти страны-победительницы. Воплощенный мастерством талантливейших архитекторов и художников, поздний классицизм угасал постепенно, переходя в формы все более посредственные и однотипные.

В политической же сфере закономерным завершением этих процессов стали, как известно, события декабря 1825 года и, последовавшие за ними, жесткие административные меры правительства. Николай I, стараясь преодолеть кризис, искал в самых различных областях общественной жизни, новые пути для внутренней стабилизации страны. В его манифестах и обращениях все чаще стали появляться почти забытые понятия: «народность» и «православие». Фактически путь стабилизации был найден в опоре на национальные ценности и национальную культуру. Впоследствии министр просвещения князь С. С. Уваров в своей знаменитой речи, произнесенной в 1832 году, сформулировал основную идею власти в виде триады: «Православие, Самодержавие, Народность» [9, с. 215]. Озвученная С. С. Уваровым национальная идея стала новой программой власти, определяющей направление деятельности и в сфере государственного управления, и в сфере литературы и искусства, но вряд ли идея народности получила бы такое значение, если бы исторически для русского самосознания она не была центральной, объединяющей вопросы искусства и эстетики с вопросами истории, философии и политики [Там же, с. 214].

Идейную платформу под уже сложившееся направление внутренней политики подвели славянофилы. Именно они первыми стали указывать на первооснову традиционного русского искусства, связанную с понятием патриархальности, и предлагали опираться на духовные устои и вековые традиции русского народа, несовместимые, как они утверждали, с идеями западного индивидуализма и эгоизма.

В то же время представления славянофилов о традиционном русском искусстве весьма различались. Не вдаваясь в детали этих различий, остановимся на мнении одного из наиболее ярких представителей данного литературно-философского течения – А. С. Хомякова, который предлагал достаточно сдержанный путь развития национального искусства посредством слияния национальных идей с европейской ученостью и рассудительностью. Наиболее полно концепция и обоснование зарождающегося русско-византийского направления в архитектуре изложены им в статье «О возможности русской художественной школы» [10, с. 56-61]. Он был принципиально против слепого подражания чему бы то ни было и считал необходимым всякий раз полагаться на особое состояние русского духа, обладающего, по его мнению, внутренней интуицией и чутьем.

А. С. Хомяков и В. А. Соллогуб первыми указали на отечественные древности и национальное искусство, сохранявшие еще верность патриархальной традиции, как на основной источник творческих идей. Однако не следует забывать, что это произошло, по существу, после соответствующего решения властей во второй половине 20-х годов XIX века, реальные же очертания данное религиозно-философское направление получило уже в 30-е годы. При этом важным, на наш взгляд, является следующее: классицизм появился в России, преследуя, в том числе, известные имперские интересы, привнося в отечественную культуру дух

европейского просвещения, а с ним и частичную утрату национальных художественных традиций. Эклектика, с ее попытками возродить национальное сознание и традиции также была инициирована монаршей властью, но исходила не только из политики, прагматичных идеологических расчетов, но и из глубинных внутренних противоречий, произошедших в результате значительной утраты национальных идейно-художественных ценностей. В области культуры решались злободневные внутрисоциальные проблемы, в первую очередь, политические, касающиеся светского общества. По сути, была попытка укрепления монаршей власти с опорой на национально-патриотические идеи в культуре и искусстве.

Вместе с тем, открытым остается вопрос о мотивах появления эклектики в качестве нового стиля церковной архитектуры. Можно предположить, что эта идея принадлежала непосредственно императору Николаю I. Ответ следует искать в личности самодержца. После смерти императора Павла I воспитанием Николая в большей степени занималась вдовствующая императрица Мария Федоровна – человек глубоко религиозный. В ранней юности царевич Николай, проявлявший усердие к изучению военного дела, под влиянием матери заинтересовался рисованием. Ему давали частные уроки ведущие мастера исторической живописи Академии художеств, среди которых – академики И. А. Акимов и В. К. Шебуев.

Религиозность Николая, в отличие от религиозности Александра, была более глубокой, без экзальтированной увлеченности «всем и сразу». Весьма вероятно, что идея возвращения России к национальным корням, помимо интуитивной близости императору, была еще и подсказана ему кем-то из высшего духовного окружения. Не исключена роль в формировании религиозных настроений императора его современника, преподобного Серафима Саровского.

Таким образом, нам представляется логичным следующий вывод. Николай I, видимо, исходил из того, что только Церковь и национальная идея могут стабилизировать государство и решить внутренние противоречия, уже в значительной мере проявившиеся на Сенатской площади Петербурга. Вместе с тем, осознание идеи не сопровождалось последовательной политикой. Движение остановилось на внешних, собирательных формах, в том числе, не достигнув главного в самом замысле: серьезных внутренних изменений в высшем обществе. А изменений желал не только император.

Не лишним будет вспомнить, что, например А. С. Грибоедов, после событий декабря 1825 года назовет высшие слои российского общества «поврежденным классом полугерманцев» [4, с. 380]. Но не менее важно иметь в виду и следующее. Фактически император Николай I принял ту же европейскую концепцию, которая когда-то пришла с Запада в Россию и укоренилась при классицизме: вернуться к формам и образам «русской античности», способным повлиять на восстановление национального самосознания и стабильности в обществе.

В 1826 году был подписан первый монарший указ о сохранении отечественных древностей, логическим продолжением которого стал вышедший в 1838 году свод «Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников». Это был первый отечественный документ, указывающий на необходимость и государственную важность сохранения национальных святынь [2, с. 4]. Начались поиски новых работ по сохранению древних монументальных форм и образов. Ставилась задача соединить в иных исторических реалиях средства, формы художественного творчества, прежде всего в храмостроительстве и церковном искусстве с идеей величия народа в его прошлом и настоящем. Это была политика, направленная на воссоздание отчасти утерянной в петровское и послепетровское время самобытности в искусстве России.

В 1831 году, после удачных опытов претворения национальной идеи в провинциальной храмовой архитектуре и проведения официального конкурса, Высочайше утверждается новый проект храма Христа Спасителя «в память спасения России от французов и всех воинов погибших на полях сражений Отечественной войны 1812 года», выполненный в «русско-византийском» стиле¹. Автором проекта стал К. Тон. Место для храма определил сам Николай I².

Первоначальный проект архитектора А. Л. Витберга, выполненный в стиле классицизма, был императором отвергнут. В утвержденном проекте прямо, в чем-то даже нарочито, подчеркивалась преемственность с древними святынями Московского Кремля. Выбор Николая I был воспринят, как «руководство к действию» при строительстве других церковных и государственных учреждений.

Можно и нужно рассматривать храм Христа Спасителя как памятник искусства, памятник истории, но для своего времени он был, прежде всего, великим православным храмом, возведенным в благодарность Всемилостивому Богу о спасении России³. Это был памятник, утверждавший политические приоритеты России. Своими монументальными формами, исполненными национального звучания, храм Христа Спасителя, в то же время, строго продолжал идеи классицизма. Таким образом, отдавалась дань прошлому, определялись ориентиры на будущее. В одном сооружении проявились смешение разных стилей и стремление к их объединению. Это и было названо эклектикой.

Как заметил А. Иконников, «русско-византийский стиль своими деталями-знаками внушал некие представления о национальной традиции, оставаясь отчужденным от ее преемственного развития» [6, с. 328].

¹ На проект храма был объявлен конкурс, в котором участвовали: О. И. Бове, А. Н. Воронихин, Д. И. Жилярди и другие ведущие архитекторы эпохи классицизма.

² Для нового храма было выбрано место недалеко от Кремля. Для этого был упразднен древний женский Алексеевский монастырь с церковью в честь Всех Святых. Монастырь перенесли в подмосковное Красное село.

³ «Я исполнил его Духом Божиим, мудростью, разумением, ведением и всяким искусством, работать из золота, серебра и меди <...> резать камни для вставляния и резать дерево для всякого дела; и вот, Я даю ему помощником Аголиава, сына Ахисамахова, из колена Данова, и в сердца всякого мудрого вложу мудрость, дабы они сделали все, что Я повелею тебе» (Исх. 31: 3-6).

И в данном случае важно, что никто иной как выдающийся философ-славянофил А. С. Хомяков указывал на невозможность простого копирования некогда сложившихся форм. Впрочем, что касается храма Христа Спасителя, не следует забывать, что мучительно выкристаллизованное творение великого зодчего создавалось не в свободном творческом и идейно-художественном пространстве, а в строгих рамках монаршего желания.

Русско-византийский стиль, который был официально принят и утвержден в качестве государственного, нашел продолжение в работах целой плеяды талантливых зодчих второй половины XIX века. В его границах была создана благодатная почва для развития многих архитектурных направлений. К тому же, время правления императора Александра II было озаменовано для русского общества появлением ряда существенных свобод. Эклектика – «архитектура выбора» – начинает предлагать (не диктовать, как это было в течение десятилетий фактически навязываемого классицизма) свои архитектурные изыскания и формы в зависимости от заказчиков и от творческих предложений художников.

Отдельного пристального и систематического внимания исследователей требует, как уже отмечалось выше, вопрос о самом толковании понятия, так называемого, эклектического периода в истории русской архитектуры. При этом надо подчеркнуть, что необходимо рассмотрение данной проблемы с учетом позиций различных наук, разных областей знания, философии культуры, философии истории, социальной философии. Этот вывод следует из положения, сложившегося в результате своего рода отрыва методологических подходов, доминирующих в отечественном искусствознании и истории искусств, от ряда базовых трактовок проблем эклектики в культуре как в философии, так и истории искусств, искусствознании Запада.

О неоднозначности, небесспорности самой характеристики русской архитектуры XIX века, как эклектической, говорится уже достаточно давно. Единой точки зрения на необходимость, так сказать, терминологических, понятийных изменений среди специалистов нет [7, с. 130-143]. И это понятно, так как речь идет не только о важной, но и исключительно сложной научно-философской проблеме.

Попытаемся отметить ряд вопросов, без которых невозможно дальнейшее исследование обозначенной проблемы.

В истории западноевропейского искусства, в западном искусствознании детально проанализированы пути и перипетии развития архитектуры, включая храмовую архитектуру. Оценки и выводы фокусируются на неоднозначности процессов в разные периоды истории разных стран, культур, конфессий, на постоянно возникающих новых изводах в «вечной проблеме» культуры, искусства – соотношения традиций и новаторства. В том числе с учетом национально-исторических особенностей культуры. И что знаменательно: говоря о смешении стилей, жанров, буквально о постоянных революционных изменениях в искусстве, профессиональные исследователи, в первую очередь, стремятся в самых различных «смещениях», часто весьма противоречивых поисках, экспериментах художников найти, описать, наконец, очертить новое художественное лицо, а не списывать инновационные подходы в разряд чуть ли не второстепенной мешанины. Более чем убедительно о данном подходе свидетельствует, например труд «История искусства» такого авторитетного историка и теоретика искусства как Эрнст Гомбрих. Труд, который уже более полувека считается классическим [3].

Западная философия и наука, даже несмотря на отсутствие изначально негативного звучания в слове «эклектика» в языках латинской основы, в отличие от русского, предпочитают иные термины, понятия, оценки. Романтизм, например, не только с его сущностной устремленностью к свободе творческих поисков, независимостью в борьбе с академическим классицизмом, но и с его направленностью к синтетическим жанрам в искусстве, к национальным, культурным корням, гротеску и т.д.

Впрочем и в России, к эклектике и эклектизму отношение изначально было мало похожим на нынешнее, утвердившееся в XX веке. По В. И. Далю эклектик – это тот, «кто не следует одному учению, а избирает и согласует лучшее из многих», тот, кто не следует «своему отелному учению в мудрости (философии), а принимающий отчасти их учение, сводя их воедино» [5, с. 1090]. А вот в другом каноническом словаре иного времени – С. И. Ожегова, «эклектика» – это «механическое, чисто внешнее соединение различных взглядов и точек зрения...» [8, с. 786]. Но проблема в данном случае не только в научно-филологических или философских предпочтениях, но и во вполне практическом ее значении: известно, что именно «прописка по адресу» эклектики была одним из оснований небрежения церковно-архитектурным наследием конца XIX – начала XX в. в двадцатые и последующие годы прошлого столетия. Вопрос этот требует дополнительного осмысления.

Список литературы

1. Библия. М.: Российское Библейское общество, 2005. 1360 с.
2. Глаголев А. Краткое обозрение древних русских зданий и других отечественных памятников / сост. при Министерстве внутренних дел А. Глаголевым. СПб.: Тип. МВД, 1838. Ч. 1. Тетрадь 1: О русских крепостях. 52 с.
3. Гомбрих Э. История искусства. М.: ООО «Издательство АСТ», 1998. 688 с.
4. Грибоедов А. С. Сочинения. Л.: Гослитиздат, 1945. 662 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: современное написание: в 4-х т. М.: ООО «Издательство АСТ»; ООО «Издательство Апрель», 2001. Т. 4. 1280 с.
6. Иконников А. В. Тысяча лет русской архитектуры. М.: Искусство, 1990. 385 с.
7. Кириченко Е. И. Романтизм и история в русской архитектуре XIX века. Архитектурное наследие / под ред. Н. Ф. Гуляницкого. М.: Стройиздат, 1988. Вып. 36. Русская архитектура. ВНИИ теории архитектуры и градостроительства. 255 с.
8. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд-е 18-е, стереотип. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
9. Соболев П. В. Очерки русской эстетики первой половины XIX века: курс лекций: в 2-х ч. Л., 1972. Ч. 1. 264 с.
10. Хомяков А. С. Полное собрание сочинений: в 8-ми т. М., 1911. Т. 1. 164 с.

ON PREREQUISITES AND HISTORICAL CONDITIONS OF ECLECTICISM APPEARANCE IN CHURCH ARCHITECTURE OF THE XIX CENTURY

Starodubtsev Oleg Viktorovich, Ph. D. in Theology
Moscow Orthodox Theological Academy
starodubcev@yandex.ru

The article is devoted to some prerequisites of the appearance and essence of eclecticism in the Russian church architecture of the first third of the XIX century. The reasons, which provoked the imperial power to initiate a change from classical style to the Russian-Byzantine one that in the context of the historical realia of the XIX century modified into a new direction called eclecticism, are considered. In this connection the historical conditions and situation when the renunciation of the ideals of classicism was made are under study in the work.

Key words and phrases: eclecticism; classicism; the Russian culture; Slavophiles; self-consciousness; church art; church.

УДК 7.01

Философские науки

В статье анализируются различные теоретические подходы в определении понятия аксиогенеза личности и акцентируются факторы его формирования. Автор рассматривает специфику развития аксиогенеза личности на разных возрастных этапах, определяет ведущую роль образовательно-воспитательной системы в данном процессе, анализирует проблемы «переоценки ценностей» и проявления декларативных и реальных ценностей.

Ключевые слова и фразы: аксиогенез; ценности; аксиосфера; культура; образование.

Суворова Ирина Михайловна, к. филос. н.
Петрозаводский государственный университет
suvormih@list.ru

АКСИОГЕНЕЗ ЛИЧНОСТИ И СПЕЦИФИКА ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ В ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ©

Современное российское общество находится в поиске основательной идеологической и аксиологической базы для консолидации. Аксиологический поиск осложнен дезориентацией и противоречивостью собственно аксиосферы российской культуры начала XXI века. Индивид, сталкиваясь с противоречиями в системе ценностей такой культуры, оказывается дезориентированным не только в личном, но и в общественном плане. Особенно опасна ценностная дезориентация, когда аксиосфера личности еще только формируется, т.е. в процессе образования и воспитания. По этой причине важной становится проблема исследования собственно аксиогенеза личности и определения влияния аксиосферы культуры на формирование ценностной сферы личности.

В большинстве источников под аксиогенезом понимается последовательное развитие ценностной сферы личности. С философской точки зрения аксиогенез личности соотносится с процессом становления личности как био-психо-социо-культурного субъекта.

Поскольку пространство и время выступают в качестве «атрибутивных универсалий – ценностей бытия человека и культуры» (В. С. Степин), «инструментами миропереживания» (Б. Рассел), то аксиогенез личности неразрывно связан с аксиогенезом культуры, в которой она пребывает. Таким образом, культура и личность оказываются связаны аксиосферными мирами, а аксиогенез личности и аксиогенез культуры становятся взаимозависимыми процессами.

Однако нельзя отрицать и биологические задатки личности, которые в определенной мере влияют на формирование аксиогенеза. Так, представители бихевиористических взглядов (Г. Дюпон, П. Массен, частично Ж. Пиаже) заявляют, что формирование ценностей связано с реакцией индивидуума на раздражающие факторы окружающей среды. Эти представления рассматривают формирование ценности аналогично процессу условного рефлекса. Если во внимание взять перинатальный период развития, биологические предпосылки той или иной реакции на раздражители, а также учесть зачатки индивидуального и коллективного бессознательного (по К. Г. Юнгу), то становится очевидным, что младенец отчасти рефлекторно присваивает те или иные ценностные ориентации материального мира. В данном «натуралистическом» подходе, безусловно, возможно принимать во внимание процесс формирования так называемых «первичных», «материальных» ценностей первого уровня или порядка, но он абсолютно несостоятелен относительно ценностей духовного уровня.

Сторонники «подражательной» теории (К. Роджерс [7], П. Массен [5], В. С. Мухина [6], М. С. Яницкий [10], Д. А. Леонтьев [3]) утверждают, что ребенок на ранней стадии копирует ценности взрослых, которые, по сути, являются факторами окружающей среды. То, что ценности формируются в результате копирования детьми